

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 101.1:502.1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-689-699

Конфессиональный фактор в развитии экологической культуры в современном обществе

Волохова Е.В., Попов Е.С., Воденко К.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
Россия, 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
E-mail: volohova.1973@mail.ru, povove@mail.ru

Аннотация. Взлеты экологизма и утверждение концепции «зеленого» общества и зеленой экономики являются, согласно позиции авторов, состоянием постсекулярного общества, в котором конфессиональность воспринимается как культурно-историческая традиция, связанная с прошлым, эпохой потребительского по отношению к природе сознания. В данном контексте авторы последовательно исследуют конфигурации конфессионального фактора и экологического сознания в России и Европе. Сделан вывод о том, что европейское экологическое сознание неконфессионально и в будущем обречено на поражение по сравнению с исламским фактором. В России отношение к экологическому сознанию определяется альянсированием государства и традиционных конфессий, что создает коридор возможностей в рамках конфессионального фактора создавать самостоятельные и комплиментарные модели экологического сознания и экологической политики.

Ключевые слова: экологическое сознание, современное общество, экологизм, экологический активизм, постсекулярное общество.

Для цитирования: Волохова Е.В., Попов Е.С. Воденко К.В. 2021. Конфессиональный фактор в развитии экологической культуры в современном обществе. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 689–699. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-689-699

Confessional Factor in the Development of Ecological Culture in Modern Society

Elena V. Volokhova, Evgeniy S. Popov, Konstantin V. Vodenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region 346428, Russian Federation
E-mail: volohova.1973@mail.ru, povove@mail.ru

Abstract. The rise of environmentalism and the approval of the concept of a "green" society and a green economy is, according to the authors' position, the state of a post-secular society in which confessionality is perceived as a cultural and historical tradition associated with the past, the era of consumer consciousness in relation to nature. In this context, the configurations of the confessional factor and environmental consciousness in Russia and Europe are consistently studied. It is concluded that the European ecological consciousness is non-confessional and is doomed to defeat in the future compared to the Islamic factor. In Russia, the attitude to environmental consciousness is determined by the alliance of

the state and traditional confessions, which creates a corridor of opportunities within the confessional factor to create independent and complementary models of environmental consciousness

Keywords: ecological consciousness, modern society, environmentalism, environmental activism, post-secular society.

For citation: Volokhova E.V., Popov E.S. Vodenko K.V. 2021. Confessional Factor in the Development of Ecological Culture in Modern Society. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 689–699 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-689-699

Введение

Волна экологизма, захлестнувшая страны Европы, – ожидаемое явление в общественном поведении и общественных настроениях европейцев. Сегодняшняя Европа радикально изменилась, даже по сравнению с 80–90 годами XX века. Собственно, завершается цикл изменений, который начался в 60-х годах прошлого века, когда традиционное буржуазное общество сотрясали выступления активистов антивоенных движений, защитников прав цветных, революция хиппи, феномен Битлз.

Возвращение, казалось бы, к спокойным восьмидесятым было короткой передышкой в переходе Европы к обществу позднего модерна, как его обозначил немецкий исследователь У. Бек [2001]. Он на концептуальном уровне осмыслил расставание с эпохой модерна, обществом демократии, потребительского равенства, экономического роста и секуляризованных форм конфессионального сознания.

Последнее замечание особенно важно в осмыслении того, что мы можем назвать экологическим поворотом. Обоснование стратегии лимита ресурсов в кулуарах Римского клуба в 70-е годы XX века так и осталось кабинетной стратегией, футурологическим проектом, потому что динамика мирового развития, диктуемая экономической и политической экспансией коллективного Запада, поставила исследования ученых в статус «алиби»: общество уже в далекие годы осознало предельность экономического роста и необходимость отказа от потребительской идеологии, но эти опасения так и остались в умах людей и не стали девизом практической политики, не создали новые общественные движения [Кравченко, 2015].

Нынешняя ситуация – кардинально новая, поскольку характеризует процесс экологизации общественной жизни, «эффект Гунберг», как следствие критики концепции модерна, провозглашение курса на зеленую экономику, новую модель потребления и экологический активизм. Вместе с тем есть повод говорить о том, что экологический поворот нуждается в интерпретации, не содержащей негативизм, и определяется глубинными моментами в рамках глобализации и глокализации мировой системы. На наш взгляд, актуальной является задача системного анализа современного экологического сознания, которое не может быть сведено к строгому определению, к тому, что можно охарактеризовать как моноконцептуальность.

Казалось бы, спасительным является многофакторный анализ, но и в этом случае мы испытываем растерянность, так как новые экологические тренды не выходят за рамки того, что И. Валлерстайн определил «центром» мировой системы [Валлерстайн, 2008]. В этом смысле экологические движения и экологическое сознание сосредотачиваются локально и являются чуждыми большинству обществ, живущих в условиях патриархальной или индустриальных экономик. Для России, которая обрела статус страны с развивающейся экономикой, новые стандарты общественной жизни имеют в большой степени экономический и общественно-психологический смысл. Экономический связан со сложностями для российской модели сырьевой экономики, работающей на нефтегазовую трубу, с тем, что новые экологические стандарты на Западе приведут в 30-е годы XXI века к отказу

от потребления углеводородных ресурсов и, следовательно, к кризису в российском обществе, связанному с падением доходов населения.

Общественно-психологический смысл связан с травмой «несамодостаточности», с тем, что на фоне европейских «зеленых» инициатив Россия все более отстает технологически и морально, разделяя позиции стран третьего и четвертого мира. Россияне, для которых гордость за достижения науки, культуры и образования является критерием идентичности, стагнация экологического сознания, разрыв связи между экологическими инициативами снизу и экологической политикой государства определяют индифферентизм или ретроградство в отношении экологических проблем. Между тем здоровая экология становится императивом жизни миллионов россиян, испытывающих дефицит здоровой среды обитания (воздух, вода, почва).

Актуальность данной проблемы для россиян очевидна на уровне обыденного, массового сознания, что фиксируется в опросах общественного мнения, но сложность понимания ситуации состоит в том, что к российской экологической модели не может быть полностью применима зарубежная схема экологического сознания. Мы уже отмечали, что для рефлексии современного мира требуется исходить из концептуальности. Из-за условий взаимодействия глобализации и глокализации экологическая проблематика является универсальной, нуждается в консолидированной позиции в мировом масштабе, но вместе с тем в силу совокупности экономических, социальных, культурных факторов содержание векторов экологического сознания различается на социетальном и культурно-цивилизационном уровне [Шевченко, Штофер, 2020; Яницкий, 2011].

В российском контексте, где уже есть осознание демифологизации «неисчерпаемых богатств» России, но принимаются явно запоздалые и частичные меры по сохранению экологического здоровья, весьма интересным исследовательским ходом можно считать осмысление конфессионального фактора в экологическом сознании российского общества. Это притягательно и в связи с тем, что, согласно нашей позиции, современный западный экологизм является следствием эпохи позднего модерна, релитивизации морально-нравственных ценностей, культурных и политических претензий меньшинств и практически репрессивной политики против традиционных конфессий.

Христианство (католицизм и протестантизм) обвиняется в том, что является идеологией, допустившей политику экоцида, поддержку стратегии безудержного экономического и демографического роста, оценку экологии как мирской, не требующей глубокого осмысления проблемы. Христианская догматика якобы явилась санкцией человеческой экспансии по освоению и присвоению мира, утратой веры в силу природы и того, что человек является частью экологической системы. Вероятно, здесь есть и второй момент, связанный с негативистским отношением видных и активных представителей христианского сообщества к экологистам, которые, по их мнению, являются носителями неоязыческих и сектанских убеждений, культивируют «антихристианство», выступая с позиции отрицания логики божьего творения и божьего промысла.

Для России, общества поликонфессионального и поликультурного, традиционные конфессии (православие, ислам, иудаизм, буддизм) не являются субъектами большой экологической политики, но конфессиональный фактор вносит влияние в динамику и направленность экологического сознания в российском обществе, которое не является воспроизведением эпохи позднего модерна. Таким образом, существует необходимость определения методологии исследования, позволяющей выявить специфическое и универсальное в экологическом сознании российского общества, которое в этом контексте интегрировано в современный мир и на уровне климатических эффектов (глобальное потепление), и в социально-антропологическом контексте, выражающемся в том, что экологическое сознание является образом жизни миллионов людей, актуализируется в различных культурных формах и влияет на полистилизацию жизни в обществе.

Методология исследования

Мы подчеркивали ранее, что экологическая проблематика стала признаком общества позднего модерна и для ее осмысления структурно-функциональные, институциональный, культурно-организационный критерии, имея полезный когнитивный эффект, явно недостаточны, чтобы двигаться не по схеме традиционности/нетрадиционности, а включить механизмы социально-философской и культурно-философской рефлексии, способной сформировать концепт экологического сознания, содержащий множественность факторов. Это актуально для определения влияния конфессионального фактора как совокупности идей, установок, форм идентификации (принадлежности), влияющих на процесс формирования экологического сознания в современном обществе.

Методологический выбор предпринимаемого исследования связан с пониманием многофакторности экологического сознания в современном обществе, с тем, что принципиальный ответ на новые вызовы современности содержится в гуманистическом повороте социально-философского знания, в отказе от объективации и объективированности, согласно которым социальное бытие человека детерминируется законами, от которых зависит человек в его социально-антропологическом измерении.

Принимая данное обстоятельство, мы ориентируемся на роль конфессионального фактора как субъектно-субъектного понятия, невозможности игнорировать то обстоятельство, что конфессия как объединение по принципу единоверия отождествляет различия плоти и духа, имеет отношение к человеку, который ожидает прихода Мессии, ориентируясь на уменьшение грешности в жизненном бытии. Экологическое сознание в современном обществе может быть проинтерпретировано в гуманистическом повороте социально-философского знания на основе субъективации того, что российский исследователь С.А. Кравченко понимает как рефлексивную метапарадигму, характеристикой которой является как институциональная, так и индивидуальная рефлексивность [Кравченко, 2015].

Так как, по мнению Э. Гидденса, рефлексивность означает постоянный активный пересмотр социальной реальности в свете новой информации, возникает определенная сложность, связанная с расхождением между конфессиональной догматикой, установками на соблюдение религиозно-нравственных норм и сферой сакрального сознания, которая не содержит моральных императивов и «параллельна» конфессиональности в качестве иной идентичности, связанной с идеалом сбережения природы [Гидденс, 2013]. Но в этом смысле стоит сделать замечание, что экологические практики, ориентированные на стигматизацию и запреты человеческих деяний, не попадающих под критерий экологизма, проявляются в жизни общества, особенно когда заходит речь о базовых потребностях человека, которые не в состоянии удовлетворить зеленая экономика.

Таким образом, следует подчеркнуть, что конфессиональный фактор не является чужеродным функциональным явлением современной жизни и в условиях постсекулярности того, что исследователь Вл. Малинкович называет модой на «игровые решения» [Малинкович, 2008]. Важно обозначить роль конфессионального фактора в формировании экологического сознания как поиск соединения традиции и модерна, возвращения человеку способности отвечать за последствия своих деяний коллективно, рассматривать в экологических проблемах возможность сохранять веру в рациональность на основе фундаментальных философских и этических принципов.

Это означает, что методология исследования задается объективным эпистемологическим критерием обоснованности, определением конфессионального фактора об актуальном измерении в границах и диапазоне влияния на экологическое сознание. Когда мы говорим о специфике экологического сознания в российском обществе, нельзя сводить конфессиональный фактор к культурно-исторической традиции и видеть экологическое сознание только результатом институциональных изменений. Если вспомнить проповедь

Иисуса Христа, подчеркивая, что спасение человека возможно только в Церкви, есть смысл отстаивать и вторую часть данного положения – экологическое сознание становится пространством духовной борьбы, критики мифов и предрассудков, порождаемых радикальным экологизмом.

На Западе выстраивается градация «грехов» человека, согласно которой нужно безоговорочно принимать и поддерживать нормы меньшинств (сексуальных и культурных), быть не просто толерантным, а интолерантным к фобиям, свойственным эпохе модерна, экологическое сознание концентрирует греховность/негреховность в соответствии с критерием экоборчества, движения к «фанатизму», определяющему мир в черно-белых тонах, расколом на носителей экологического образа жизни и остальных. Такое противопоставление еще 20–30 лет назад не было свойственно европейскому сознанию, но активно навязывается, пропагандируется, интродуцируется СМИ и общественными структурами, ориентированными на политико-коммерческий интерес.

Поэтому методология исследования включает процедуры социально-философской и культурно-философской рефлексии на основе субъектно-субъектной парадигмы, определяющей конфессиональный фактор в культурно-антропологическом контексте, в том, что, несмотря на очевидные проблемы практики и действуя на обыденном уровне, в обращении к будущему верующие как сторонники определенных конфессий провозглашают религиозно-нравственные догмы, в которых экология является зависимым от высших догм определением. Это касается не только христианства, к которому нельзя, конечно, свести сложность современной экологической проблематики. В современном постсекулярном мире, который означает состояние возвращения к конструируемой религиозной традиции, где действуют множества религиозных течений и культов с приставкой нео- (необуддизм, неоисламизм, неохристианство), исчезает строгая демаркация между конфессиональным и неконфессиональным в экологическом сознании [Olenich et al., 2019].

Таким образом, методология исследования воспроизводит гуманистический поворот в исследовании экологического сознания в рамках сохранения принципов социальной рефлексии (социальной эпистемологии), определяя конфессиональный фактор в качестве субъектно-субъектного отношения.

Материалы исследования

В нашем представлении о формировании и развитии экологического сознания в современном мире мы подчеркиваем динамичность, изменчивость в новой социокультурной реальности, то, что может интерпретироваться и как «распад связи времен», и культурная и интеллектуальная структура экспансивного характера, подчиняющая различные сферы человеческого поведения и сознания. Следует отметить, что традиционность конфессионального фактора является в определенной степени условно схематичной в постсекулярном обществе, где традиции пересматриваются и конструируются [Уолцер, 2000]. В исламе, например, экологическая проблематика табуирована, так как природный и растительный мир эпифеноменальны и являются кажимостью по отношению к человеческому предназначению. Шариат как кораническое право ориентирует человека на праведность поведения в контексте безусловного выполнения религиозно-нравственных правовых норм, но экология определяется как сфера некоранического обыденного права, как объект интересов хозяйствующих субъектов. Это весьма примечательно, так как в этом контексте сторонники исламской конфессии не испытывают интереса к экологии и экологический активизм воспринимается ими как чуждый. Для них удовлетворительным является принятие схемы конфессиональной эксклюзивности, закрепления за исламом определяющей роли конфессиональности в идентичности человека, что по существу характеризует нейтральность исламской конфессиональности к экологическому сознанию, которое, разумеется, не может быть альтернативой исламской веры. Для них это, скорее, свидетель-

ство «внутренней болезни» христианства, отказа европейцев от ценностей веры в условиях радикального безбожия. В России, где на государственном и общественном уровне закреплено мирное сосуществование традиционных религий, экологические проблемы изъятые из дискурса межконфессионального общения, определяются как сфера секулярной активности (экологические движения, экологическое волонтерство) и по молчаливому согласию по отношению к конфессиям не актуализируются вопросы и цели экологического сознания.

Таким образом, если рефлексировать по поводу конфессионального фактора, есть смысл привести три соображения. Первое связано с необходимостью артикулировать конфессиональный фактор в экологическом сознании современного общества, определить на эмпирическом уровне количественные и качественные показатели конфессиональности в экологическом сознании. Это важно в связи с тем, что современные экологические движения обычно ограничиваются обращением к молодежи, что понятно в контексте образа экологии как сценария будущего [Захарова, 2020]. Вероятно, здесь необходимо определить действующие пропорции между конфессиональностью и экологичностью, чтобы показать, каков реальный мобилизующий потенциал конфессии проектирования и реализации стратегии экологического развития.

Качественно важно выявить, какие социальные общности ориентируются и работают на создание «зеленого» общества, на обеспечение оздоровления экологической среды с целью не выживания, а развития человечества. И здесь важно учитывать роль конфессиональных общин, так как по уровню экологической компетентности есть различия между носителями конфессий: буддисты аскриптивно экологичны, для них развит культ единения с природой, понимание циклизма жизни, в то время как христианство отказалось от безоговорочного признания активизма по отношению к природе, проявляется попытка экологизации конфессиональных практик. Было бы ошибочно утверждать, что христианская конфессия является новой экологической силой.

Если речь и заходит о вторжении в сферу экологии, следует придерживаться позиции разделения конфессий и конфессиональных субкультур, точнее, присвоения конфессиональных признаков носителями неконфессионального сознания в целях укрепления авторитета, использования потенциала симпатий верующих, реализацию через конфессию собственной концепции «добрых дел». Католики в Италии, Испании, Венгрии испытывают «обструкцию», так как на их глазах религиозные нормы перестают быть действующими, а церковь занимает оборонительные позиции. В этих условиях есть желание защитить границы конфессии от идейной инвазии, но сложность ситуации состоит в том, что католические общины остро нуждаются в омоложении, чтобы не завершился процесс «естественной смерти».

Вероятно, экологическое сознание в современном мире является внеконфессиональным, но, что парадоксально, носит характер псевдорелигиозности. Напрашивается вывод о субститутном статусе экологического сознания, его значения и роли как замещающего «религиозные потребности». Но в рамках нашего исследования уже обнаружилось, что в соотношении конфессионального фактора и экологического сознания есть барьерный момент, определяемый параллелизмом развития экологического сознания и конфессиональности. В том, что обе реальности имеют активистскую направленность, присутствует очевидность, но в других аспектах проявляются расхождения.

Экологическое сознание только на первый взгляд выглядит спонтанным, идущим от инициативы масс, но это внедряемый образ, так как действуют экономические и политические структуры, которые можно охарактеризовать как глобалистские, для целей которых экологическое сознание выполняет мультипликативную функцию. Во-первых, переход на зеленую экономику означает изменение конфигурации ведущих экономических игроков, которые заявляют о себе в виде глобальных корпораций (Apple, Amazon, Tesla). Завершается уход с глобальной сцены традиционных экономических империй, таких как

«Шелл», «Рено», «Фольксваген». Это связано с тем, что наступил период новых «зеленых» технологий. Но не менее важно, что политика глобальных корпораций, по выражению теоретика миросистемности И. Валлерстайна, не привязана к национальному государству и соответствующим образом ориентирована на освобождение от налоговых, финансовых, социальных обязательств на национальном уровне [Валлерстайн, 2008, с. 126].

Это можно считать вторым выводом: для манипулирования общественным сознанием с целью баллотирования протестов против ухудшения условий и возможностей социальной политики реальных экологических тревог и страхов вместе с заключениями авторитетных экспертов по изменению климата создается ситуация безальтернативности – либо мы принимаем концепцию «зеленого будущего», либо мы обречены на постепенную деградацию и гибель. Не вникая до конца в дискуссию о статусе экспертного знания об обоснованности выносимых суждений и оценок общественному мнению, отметим только, что по логике позднего модерна экспертное знание содержит политические выводы, закрепляет стратегию сокращения потребления возобновляемых ресурсов, предлагая обществу новые технологии, не имеющие потребности привлечения массовой рабочей силы, ориентированные на продукты с высокой степенью добавленной стоимости, следовательно, предопределенно ухудшая положение миллионов людей [Крольман и др., 2020].

Отдельная тема – массовые миграции, которые имеют не только объективные политические и экономические причины (большинство мигрантов – экономические мигранты из стран Азии и Африки, где ситуация экономически не стабильная, но не имеющая признаков «катастрофизма», как, например, Пакистан, Иран, Тунис, Марокко). Требуется доказательства, но является актуальной позиция стимулирования миграции через глобальные политические и экономические структуры с целью создать резервуар дешевой рабочей силы в Европе и через интеграцию мигрантов минимизировать действующие социальные стандарты и нормы. Экологическое сознание в этом контексте является нейтрализующим фактором для антимигрантских настроений, что мы видим на примере Германии, где шок от политики «открытых дверей» А. Меркель сгладился и на уровне политической конкуренции новые правые силы (АДГ) уступают место набирающим популярность «зеленым», которые перешли рамки традиционной экологической проблематики и выступают с позиции перемены немецкой внутренней и внешней политики через диффамацию конкурентов «справа», санкционный режим по отношению к авторитарным государствам (Россия, Китай), предельную либерализацию мигрантской политики. И как конечная цель – создание «Зеленого интернационала», объединение партий политико-экологической направленности на международном и европейском уровнях.

Конфессиональный фактор в этом контексте для «зеленых» является архаичным, имеющим безобидное значение как культурный маркер, но вызывающий неприятие в качестве активной жизненной позиции. Характерно, что «зеленые» являются конкурентами христианским демократам в южногерманских землях (Бавария, Баден-Вюртемберг), где есть формальная приверженность со стороны христианских демократов к христианским ценностям, но позиции католической церкви, консолидирующей конфессиональную общность, существенно подорваны через схему неформальных соглашений, согласно которым католическая церковь занимает оппортунистическую позицию по отношению к однополым бракам, мигрантскому вызову, критике реваншизма и национализма. Иными словами, конфессиональный фактор является непривязанным к экологическому сознанию, а если исходить из политики «зеленых», конфессиональная идентичность мешает занимать продвинутое экологическую позицию.

Характерно, что, поскольку Германия уже является поликультурным и полиэтничным обществом, влияние ислама на этот процесс выражается в том, что с точки зрения авторитетов исламского духовенства Германии, экологическая сфера не относится не только к числу приоритетных в исламском сообществе, но и воспринимается двояко. С одной стороны, одобряется разрушительная деятельность по отношению к традиционным кон-

фессиям, благодаря чему ислам обретает прозелитов среди коренных немцев, с другой – политические и социальные инициативы экологов отвергаются, если представляют риск для сложившейся системы социально-бытовых и семейных отношений в исламском сообществе, а также привлечения исламской молодежи в экологическую активность [Бенхабиб, 2003].

Аналогичная ситуация наблюдается и в соседней Франции, где влияние конфессионального фактора «незаметно», что связано и с историческим опытом секуляризации французского общества в XIX–XX веках, и с вступлением в социальную жизнь молодежи, имеющей отчетливые культурные социально-антропологические различия по показателям этничности, конфессиональности, образования, стиля жизни. Имеется в виду, что современная Франция перестала быть христианским обществом, но нельзя безоговорочно утверждать, что она неотвратимо исламизируется. Исламская тема имеет во Франции несколько не академический характер, поскольку связана с угрозой терроризма со стороны неоисламистов, ростом антисемитизма и, как следствие, политизирована.

В этом контексте экологическое сознание французского общества имеет более скромные масштабы, чем в Германии, «зеленые» являются активной силой, но только одной из множества альтернатив. К тому же французская общественно-политическая традиция связана с защитой социальных и политических прав на индивидуальном и групповом уровне, вопросами социальной поддержки и социального обеспечения, чему также способствует многочисленный слой профсоюзных и общественных активистов, укорененность в студенческой среде анархистских и леворадикальных организаций.

Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что экологическое сознание в «старой» Европе деконфессионализировано, а в странах-«новичках», принадлежащих к Центральной и Восточной Европе, общественно-политические процессы связаны с поиском путей самоопределения и включения в сложившуюся систему общеевропейских отношений, где экологические инициативы могут восприниматься как «требования из Брюсселя» и, если не подвергнутся критике со стороны правящих политических сил, бойкотироваться на основании экономической и социальной неприемлемости (отказ от зеленой энергетики в Польше с ее опорой на угольное производство).

Схожие нюансы имеет позиция Венгрии, занимающей вместе с Польшей нишу диссидентства в Евросоюзе. Но здесь также следует отметить, что роль конфессионального фактора проявляется в том, что католицизм является культурно-исторической традицией, имеющей закрепленность в коллективном опыте как гарант национального языка, национальной культуры и национальной идентичности. Поэтому феномен экологического сознания воспринимается настороженно, экологические движения не самостоятельны, так как поддерживаются европейскими, находящимися в Брюсселе, структурами и, что важно, имеют популярность среди оппозиционной интеллигенции и на уровне обыденного сознания воспринимаются негативно. Проблема восприятия и оценки европейской идентичности, в которую в настоящий момент включено и экологическое сознание, усугубляется, как мы отмечали, тем, что исламская традиция, получившая распространение в результате эксодуса, не ориентируется на культивирование экологичности и претендует на то, что конфессиональный фактор в чистом виде формировал мировоззренческие позиции. Это относится не только к мигрантам с исламским бэкграундом, но и означает стремление к тому, что европейцы как представители постсекулярного общества обязаны следовать исламским нормам. Призывы к запретительным практикам по отношению к христианским праздникам и обрядам, по существу, определяют перспективы европейской жизни на ближайшие 15–20 лет.

Экологические активисты не посягают на исламский конфессиональный фактор и не пытаются составить ему конкуренцию. Их усилия объективно направлены на дехристианизацию, это объяснимо в контексте ухода конфессионального фактора как христианской традиции в «подполье». Если бы это были «катакомбы» первых христиан поздней

римской эпохи, можно было бы рассуждать о возврате к христианству в будущем, но речь идет как раз о том, что если конфессиональный фактор в Европе и будет играть миссионерскую роль, то как исламский. Экологическое сознание в том виде, в котором оно формируется в современной Европе, вмещается в цикл изменений, создающих принципиально новый облик европейского общества.

Резюме

Таким образом, экологическое сознание как состояние постсекулярного общества не является спонтанным, а формируется, точнее, внедряется в массовое сознание в совокупности с толерантностью, политкорректностью, приоритетом прав меньшинств. Это означает, что конфессиональный фактор в своем традиционном измерении не влияет на культурную профильность европейцев.

В России ситуация складывается несколько иным образом: мощное влияние конфессионального фактора, запечатленного в культурно-историческом наследии и характере внутри цивилизационных связей, определяет обращение к конфессиональности на индивидуальном и групповом уровнях в качестве схемы восприятия и действия по отношению к экологическому сознанию и экологической активности. Вполне логичной является роль властных институтов, действующих по принципу альянсирования с традиционными конфессиями. По внегласному соглашению между конфессиями и государством, им принадлежит ведущая роль в духовном окормлении общества, сохранении морально-нравственных устоев. И несмотря на критику в сервиллизме, лицемерии и безразличии к социальным и политическим проблемам, вырабатывается экологический дискурс, в котором основным является отношение к экологии как сфере совместной заботы общества и государства.

Другое дело, что в силу упомянутых уже экономических и социально-политических обстоятельств контуры действия просматриваются слабо. Но в Европе экология стала сферой политической и информационной войны. Для российского общества, где конфессиональный фактор привязан к доверию россиян на институциональном уровне, конфессии имеют возможности определять модификации вектора экологической политики государства от имени конфессий и в то же время осознавать преемственность экологического сознания в рамках соответствия духовно-нравственным ценностям в приближении к тому, что можно назвать почвой для диалога светских и религиозных россиян в целях общего блага.

Список литературы

1. Бек У. 2001. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., Прогресс-традиция. 303 с.
2. Бенхабиб С. 2003. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос. 350 с.
3. Валлерстайн И. 2003. Конец знакомого мира: социология XXI в. М., Логос. 355 с.
4. Гидденс Э. 2003. Устроение общества: Очерк теории структуры. М., Акад. Проект. 525 с.
5. Захарова В.А. 2020. Институциональные барьеры развития экологического поведения российской молодежи. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, 13(5): 74–83. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-5-74-83
6. Кравченко С.А. 2015. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М., МГИМО-Университет. 342 с.
7. Крольман М.Л., Косарева Е.С., Дементьев С.А. 2020. Детерминанты и самодетерминанты общественной жизни в российском обществе. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, 13(6): 254–263. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-6-254-263
8. Малинкович В. Д. 2008. Век вывихнут... Распалась связь времен. М., ИГПИ. 352 с.

9. Уолцер М. 2000. О терпимости. М., Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 160 с.
10. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. 2020. Экологическое сознание и экологическая культура в решении проблем устойчивого развития современного социума. Гуманитарий Юга России, 9(43)-3: 232–247. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.17
11. Яницкий О. Н. 2011. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М., Институт социологии РАН. 344 с.
12. Olenich T.S., Maslova Yu.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astakhova A.I., Vodenko K.V. 2019. Eco-Legal Education and Religious Values: The Opportunities of Convergence. Ekoloji, 28 (107): 5045–5048.

References

1. Bek U. 2001. Chto takoe globalizaciya? Oshibki globalizma – otvety na globalizaciyu [What is globalization? The mistakes of globalism – answers to globalization]. М., Progress-tradiciya. 303 p.
2. Benhabib S. 2003. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyuyu eru [The claims of culture. Equality and diversity in the global era]. М., Publ. Logos. 350 p.
3. Vallerstajn I. 2003. Konec znakomogo mira: sociologiya XXI v. [The End of a familiar world: the sociology of the XXI century.]. М., Publ. Logos. 355 p.
4. Giddens E. 2003. Ustroenie obshchestva: Oчерk teorii strukturacii [Organization of society: An essay on the theory of structuration]. М., Publ. Akad. Proekt. 525 p.
5. Zakharova V. A. 2020. Institutional Barriers to the Development of Environmental Behavior of Russian Youth. Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences, 13(5): 74–83. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-5-74-83 (in Russ).
6. Kravchenko S. A. 2015. Sociologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota [Sociological knowledge through the prism of the «arrow of time»: the demand for a humanistic turn]. М., Publ. MGIMO-Universitet. 342 p.
7. Krolman M.L., Kosareva E.S., Dementiev S.A. 2020. Determinanty i samodeterminanty obshchestvennoj zhizni v rossijskom obshchestve Determinants and Self-determinants of Public Life in Russian Society. Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences, 13(6): 254–263. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-6-254-263 (in Russ).
8. Malinkovich V. D. 2008. Vek vyvihnut... Raspalas' svyaz' vremen [The century is dislocated... the connection of times has broken up]. М., Publ. IGPI. 352 p.
9. Uolcer M. 2000. O terpimosti [About tolerance]. М., Publ. Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi. 160 p.
10. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. 2020. Environmental Awareness and Environmental Culture in Solving the Problems of Sustainable Development of Modern Society. Humanities of the South of Russia, 9(43)-3: 232–247 (in Russ). DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.17
11. Yanickij O.N. 2011. Ekomodernizaciya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva [Ecomodernization of Russia: theory, practice, perspective]. М., Publ. Institut sociologii RAN. 344 p.
12. Olenich T.S., Maslova Yu.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astakhova A.I., Vodenko K.V. 2019. Eco-Legal Education and Religious Values: The Opportunities of Convergence. Ekoloji, 28(107): 5045–5048.

Конфликт интересов. О потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest. No potential conflict of interest related to this article was reported.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волохова Елена Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Professor, Associated Professor, Professor, Department of Jurisprudence Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Попов Евгений Сергеевич, аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Evgeniy S. Popov, Postgraduate student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia)